

ум настолько бесправным, что я по праву жалуясь на ваше великолепие». «Читая такие фразы,— замечает автор,— и силясь их распутать и разгадать их смысл, наш бедный кабалеро совсем терял разум и проводил бессонные ночи, а между тем, если бы сам Аристотель нарочно для этого воскрес, то и он бы ничего не разгадал и ничего не понял» (I, I). Манерные повторы де Сильвы не имеют ничего общего с безыскусственными повторами народной формы устного рассказа: «В одном местечке Эстремадуры,— повествует Санчо,— жил козий пастух, т. е. я хочу сказать, что он пас коз, и этот самый пастух или козопас, о котором я рассказываю, прозывался Лопе Руис, так вот этот Лопе Руис был влюблен в одну пастушку, которую звали Торральба, и эта самая пастушка Торральба была дочерью одного богатого скотовода, а этот богатый скотовод...» (I, XX). Дон Кихот, воспитанный на рыцарских романах и высоко оценивающий затейливую игру в слова, свойственную этому жанру, не только не сумел оценить естественную простоту рассказа Санчо (точное воспроизведение интонации разговорной речи — факт, беспримерный в литературе того времени, во всяком случае в испанской), но и не принял ее: «Если ты таким образом будешь рассказывать свой рассказ, Санчо, ... повторяя дважды то, что ты рассказываешь, так ты его в два дня не кончишь». На это Санчо отвечает: «Да я рассказываю точь-в-точь так же, ... как рассказывают эти сказки у нас в деревне, по-другому я не умею рассказывать, да вашей милости и не следует требовать, чтобы я вводил новые обычаи» (I, XX). На фоне сталкивающихся манер речи — естественной, «натуральной» и искусственной — выбор Дон Кихота предстает перед читателем именно как поступок, столь же непонятный окружающим, как и другие его действия. Встретившись однажды с крестьянами, он объясняет им, кто он по званию и роду занятий, и замечает, что он странствующий рыцарь, ищущий приключений во всех частях света. «Для крестьян все это было так же понятно, как греческий язык или какая-нибудь тарабарщина» (II, XIX). Обитатели постоялого двора, слушавшие речь Дон Кихота, едва могли уловить ее смысл: «В смущенье слушали хозяйка, дочь ее и добрая Мариторнес слова странствующего рыцаря, которые были столь же им понятны, как если бы он говорил по-гречески, хотя и видно было по всему, что речь шла о каких-то благодарностях и любезностях. Не привыкнув к такой манере выражения, они только смотрели на него и дивились» (I, XVI). Несколько иной эффект производили речи Дон Кихота на образованную публику. Студенты, например, люди более образованные и начитанные, нежели пастухи, крестьяне и «прекрасные дамы» с постоялого двора, «поняли Дон Кихота и сразу же смекнули, что он не в своем уме» (II, XIX). Попытки Дон Кихота ввести в живое обращение рыцарскую терминологию терпят неудачу. Ключевой термин «странствующий рыцарь» вне связи с книжной традицией непонятен многочисленным собеседникам и слушателям странствующего рыцаря Дон Кихота. Даже его оруженосец, исполнивший в меру своих сил и разумения новые для него обязанности, смутно представляет себе смысл этого термина. На вопрос служанки, что значит «странствующий рыцарь», Санчо отвечает: «Ты разве только-только на свет родилась, что не знаешь этого? Так знай же, сестрица, что странствующий рыцарь это такая штука, что слова не успеешь молвить, как он может быть и палками поколочен и императором стать» (I, XVI).

«Нестрогое» употребление термина автором и персонажами размывает границы его применения, снижая или вовсе снимая терминологичность: «храбрый и странствующий рыцарь», «христиане, католики и странствующие рыцари», «рыцарь странствующий и ищущий приключения», «влюбленный и странствующий рыцарь», «неудачно странствующий рыцарь» и т. д. Определение «странствующий» становится поливалентным, порождая целую серию пародийных псевдотерминов: «шли наши странствующие: рыцарь и оруженосец», «странствующие архиепископы», «странствующая девица», «странствующие писания», «странствующие выражения» и т. д.